

ПРОЦЕССЫ ТЕЗАУРУСНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Вал. А. Луков, Вл. А. Луков

Московский гуманитарный университет, Отделение гуманитарных наук РС МАН

Processes of the Thesaurus Self-Regulation

Val. A. Lukov, Vl. A. Lukov

Moscow University for the Humanities, Section of the Humanities, IAS RS

В статье вводится понятие «тезаурусная саморегуляция» как часть тезаурусной теории. *Ключевые слова:* тезаурус, тезаурусная регуляция, тезаурусная теория.

The article deals with the concept of «thesaurus self-regulation» as a part of the thesaurus theory. *Keywords:* thesaurus, thesaurus self-regulation, thesaurus theory.

Вводные замечания. Тезаурусная теория, интенсивно развивающаяся последние годы, была уже неоднократно представлена научному сообществу (см.: [14, 15, а также 7, 10, 12 и др.]). Центральное понятие этой теории — тезаурус. В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существующих для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурус — интеллектуально-эмоциональная структура, содержание тезауруса — это та часть мировой культуры, которую может освоить субъект (отдельный человек, группа людей, класс, нация, все человечество). Следует обратить особое внимание на то, что тезаурус (как характеристика субъекта) строится не от общего к частному, а от своего к чужому. Свое выступает заместителем общего. Реальное общее встраивается в свое, занимая в структуре тезауруса место частного. Всё новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим).

Саморегуляция в тезаурусе как функциональной системе. Саморегуляция представляет собой автоматически работающий механизм функциональных систем, обеспечивающий их жизнеспособность через поддержание в определенных границах характеристик их основных элементов и структурных связей (узлов, конструкций и т. д.) и компенсацию возникающих нарушений и потерь. Это прежде всего свойство биологических систем, но оно проявляется и на социальном уровне, а кроме того — характеризует и информационный уровень процессов в живой природе. Само-

регуляция — управляемый процесс, и его специфика в управленческом аспекте состоит в том, что источник управленческого импульса находится в самом объекте управления. В силу этого он обладает преимуществами самонастраивающегося механизма: его активизация происходит тогда, когда в системе произошел сбой. Мобилизация внутренних сил заканчивается, как только жизнеспособность системы восстановлена.

В методологии исследования тезаурусов необходимо опираться на то, что тезаурус представляет собой функциональную систему и поддерживает свою жизнеспособность в динамическом режиме саморегуляции. В чем здесь специфика тезауруса как системы? К. В. Судаков, характеризуя саморегуляцию функциональных систем (ФС), пишет: «Основным свойством ФС разного уровня организации, отличающим их от систем как набора составляющих их элементов, является динамика их работы, осуществляемая по принципу саморегуляции. Процесс саморегуляции ФС всегда является циклическим и осуществляется на основе общего правила — всякое отклонение какого-либо физиологически значимого адаптивного результата приводит к немедленной мобилизации многочисленных аппаратов соответствующей ФС, вновь восстанавливающих этот жизненно важный, т. е. полезный приспособительный результат» [17: 16]. Эта характеристика имеет отношение не только к отдельному биологическому организму с его кровеносной, нервной и другими подсистемами. К. В. Судаков, продолжая и в этом линию П. К. Анохина, подчеркивает: «Саморегуляция также отчетливо представлена в деятельности ФС поведенческого уровня, определяющих достижение субъектами или сообществом адаптивных биологических или социальных результатов во внешней среде. В этом случае поведение обуславливается потребностью индивидов или сообще-

ства, и достигнутые результаты поведенческой деятельности по принципу саморегуляции постоянно оцениваются с точки зрения удовлетворения исходной потребности» [17: 17].

Тезаурус — сложная функциональная система с разветвленной структурой и многоуровневыми конструкциями. Соответственно, и саморегуляция в тезаурусе представлена целым спектром возможностей по поддержанию ориентационной и развивающей функций. И тем не менее этот сложный агрегат имеет в качестве исходных три действия, отражающих механизмы саморегуляции, а именно: поддержание своего, освоение чужого, исключение чуждого. Рассмотрим их подробнее.

Поддержание своего. Тезаурус, приобретя более или менее устойчивую форму, начинает проводить активную линию на поддержание своего. Хотя ясно, что тезаурус не имеет никакого самостоятельного существования, кроме как в мозгу индивида (даже если мы говорим о тезаурусах социальных общностей), он в силу эмерджентных свойств определенного рода систем (то есть свойств, не принадлежащих элементам системы, а порождаемых только самой системой) начинает сам себя выстраивать, как бы забирая инициативу у своего носителя. Известное высказывание Льва Толстого относительно того, что Анна Каренина бросилась под поезд помимо его воли — хотя речь идет о воле реально существующего автора и ее нарушении вымышленным им персонажем литературного произведения — здесь в высшей степени удачная аналогия.

Тезаурус, возникнув в своем носителе, обретает свойства интеллектуального, культурного, социального организма и, применяя разные стратегии и техники, блокирует, или переформатирует, или исключает нежелательную для его целостности информацию.

Следует заметить, что означенные свойства тезауруса вовсе не являются всецело прагматическими, нацеленными на получение каких-либо прямых и непосредственных выгод для субъекта. Не только в уникальных случаях, но и в миллионных массах могут действовать ориентиры, не предполагающие сиюминутных позитивных результатов. Картина мира, разделяемая субъектом, вообще может строиться на преодолении прагматики — аскетизме, самоотверженности ради дела, самопожертвовании, и именно это составляет в таких случаях и индивидуальное, и коллективное свое, выступает точкой отсчета в оценках нормы и отклонения. Таковы феномены альтруистического самоубийства, осмысленные Эмилем Дюркгеймом [6], таков религиозный фанатизм. К фактам, подтверждающим значимость непрагматических установок в образе жизни миллионов людей, справедливо отнести и свойственную советскому обществу в период его подъема ориентацию на социальные достижения в будущем, что точно охарактеризовал как устремленность во времени А. А. Зиновьев. В «Логической социологии» Зиновьев писал, что самый высокий уровень устремленности в будущее был до-

стигнут в СССР в сталинские годы: «Основная масса населения жила будущим в полном смысле слова. Подчеркиваю, не просто мечтала (мечтали-то не все, и даже не большинство, а немногие!), а именно жила. Весь образ жизни их был построен так, что исследователь, наблюдающий их как независимое от него, объективное явление бытия, должен был обнаружить фактор устремленности в будущее (для наблюдаемых людей, а не для исследователя) как существенный социальный фактор, игнорируя который, он не мог бы объяснить поведение этих людей» [8: 375].

В таких случаях, когда сиюминутная выгода отодвигается на задний план и субъект действует как бы вопреки своим насущным интересам, тезаурус испытывает давление внешних и внутренних сил, иногда своего рода массивированный налет социального окружения. В таких случаях особую роль начинают играть защитные механизмы тезауруса, которые он активизирует для своего поддержания, нередко действуя в сфере бессознательного и провоцируя психические реакции человека, изучаемые в психоанализе.

В качестве таких механизмов могут быть рассмотрены: идентификации, ингрупповой фаворитизм, управление впечатлениями. Охарактеризуем эти средства поддержания своего.

Под идентификациями мы понимаем совокупность процессов обретения личностью характеризующих ее идентичностей. Множественное число (идентификации) здесь отражают то обстоятельство, что тезаурус связан со всем статусно-ролевым набором человека, осваиваемым в течение всей его жизни. Общий строй тезаурусных конструкций мог бы заметно пошатнуться, если бы механизм идентификаций не позволял встраиваться в многообразные ситуации, возникающие на жизненном пути. Разумеется, можно было бы говорить о том, что в этих случаях действуют механизмы адаптации к новым условиям. В аспекте поведения это нередко именно так. Но в плане поддержания своего адаптационный механизм ограничен, и тезаурус как целое был бы расшатан бесконечной необходимостью адаптационных действий своего носителя.

Процесс идентификации зависит от многих факторов, те или иные идентичности актуализируются в соответствующих ситуациях и могут уходить в тень, если ситуация в них не нуждается. Это, можно сказать, мерцание значений (мерцание смыслов), особенно характерное для периода молодости [9]. Но в конечном счете идентичности выстраиваются в некую иерархическую систему. Это значит, что очередной этап социализации закончился. Процесс идентификации завершился достижением идентичности — тождества человека со значимым для него социальным окружением, которое он считает «своим». Это тождество может быть со своей страной (гражданская идентичность), классом (классовая идентичность), нацией (национальная идентичность), полом (сексуальная идентичность), а в контексте повседневности — со всем многообразием

статусно-ролевого репертуара, который приходится осваивать человеку на разных этапах жизненного пути.

Если такое тождество установилось, человек испытывает чувства целостности и удовлетворенности собой. У него есть свое «Я» и свое «Мы». Он знает правила и умеет ориентироваться в дружественной для него социальной среде. Такая идеальная картина, правда, бывает не всегда. Ее нарушают внутренние конфликты идентичности. Они нередко возникают в ситуациях, когда для личности «порвалась связь времен», как говорил шекспировский Гамлет. Это могут быть и ситуации на уровне микросоциальных контактов человека, например несчастная любовь. Это могут быть и ситуации крупных переломов в истории народа, страны, человечества. Такие события нередко порождают социальную аномию — в смысле, какой вкладывал в это понятие Э. Дюркгейм (аномия как утеря социальной нормы в ситуации быстрых изменений в обществе — не важно, отрицательных или положительных). Следствием аномии в обществе становится разрушение социальных и культурных практик, в которые включена личность, и ее идентификационный срыв. Ныне это достаточно общая для мира ситуация. П. С. Гуревич, обобщая состояние человека в современном мире, констатирует: «Индивид утрачивает представление о своей идентичности, об устойчивости своего внутреннего мира, о специфически человеческом» [5: 505]. Эта неясность, что же считать в изменившихся условиях специфически человеческим, создает величайшие испытания для личностного самоопределения и идентичности.

Собственно, на тематику кризиса идентичности исследователи вышли в годы Второй мировой войны, работая в клинике по реабилитации ветеранов на горе Сион. Эрик Эриксон по этому поводу замечает, что большинство пациентов клиники не были ни контуженными, ни симулянтами. «Попав в экстремальные условия войны, они потеряли ощущение тождества и непрерывности времени. Они утратили контроль над собой...» [20: 26]. Дальнейшие исследования Эриксона показали, что подобные явления наблюдаются у некоторой части молодежи — «у зашедших в тупик бунтарей и деструктивно настроенных правонарушителей, находящихся в антагонистических отношениях с обществом» [20: 26]. Дальнейшие исследования убедили Эриксона в том, что он имеет дело с более масштабными явлениями, имеющими место в жизни каждого человека.

Согласно Эриксону, каждый человек проходит через кризисы идентичности. Кризис понимается Эриксоном не как катастрофа, а как «неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или другую сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации» [20: 25]. Когда мы говорим о кризисе идентичности, то имеем в виду именно такое понимание кризиса.

Итак, кризисы идентичности — это поворотные пункты в жизненных траекториях, которые сопровож-

дают процессы развития личности. Это, таким образом, не отклонения от нормы, а сама норма. Таких кризисов Эриксон выделил восемь. По его мысли, на каждой стадии роста (а каждая новая стадия означает кризис предыдущей) человек делает выбор между двумя альтернативными способами решения задач развития.

Концепция кризисов идентичности Эриксона дала толчок для дальнейших исследований личности в непосредственной связи с процессами социализации. Появились новые теории, уточняющие схему Эриксона и вводящие новые аспекты в исследовательское поле. В аспекте тезаурусной концепции существенно то, что идентичности, выступая защитными средствами тезауруса, своего рода щитами своего от волн новой информации, не являются неизменными, более того — неизбежно проходят через кризисы, причем тотальные, затрагивающие строй личности. Но это означает — и тезаурусы как системы ориентирующего знания. Этого обстоятельства нельзя не учитывать при изучении динамики тезауруса.

Рассматривая роль ингруппового фаворитизма в качестве защитного механизма тезауруса, мы используем понятие социальной психологии для обозначения совокупности сходных социальных и культурных процессов, обеспечивающих групповую сплоченность. Нас в этом случае меньше интересует довольно распространенная трактовка групповой солидарности как межличностной аттракции, поскольку здесь слабо видна тезаурусная проблематика. Но эффект ингруппового фаворитизма, выявленный в свое время в исследованиях М. Шерифа, напротив, очень интересен. Ингрупповой фаворитизм — устойчивое представление членов группы в том, что она — лучшая из всех аналогичных, что мы — лучше, чем они. Эта убежденность имеет ярко выраженный ориентирующий характер, она четко дифференцирует своих и чужих, более того, заостряет различия, нередко шаржирует их, в потенциале всегда содержит готовность к противостоянию. Тезаурусы членов группы в силу ингруппового фаворитизма сближаются, и групповая норма становится в этом случае более существенной, чем любая другая социальная или культурная норма.

На этой базе выстраивается феномен группового стиля. Групповой стиль — это совокупность образов взаимодействия, которые соответствуют представлениям членов группы о том, что правильно в пределах этой группы. Основанный на групповой идентичности и проведении символических границ, групповой стиль, как показывают Н. Элиасоф и П. Лихтерман, отделяет восприятие людьми их собственных групп от других групп [21]. Можно сказать, что и здесь механизмом оценки и, следовательно, ориентации выступает ингрупповой фаворитизм.

Наконец, из защитных механизмов тезауруса рассмотрим управление впечатлениями.

Знаменитый шекспировский образ мира как театра (в монологе Жака из «Как вам это понравится»)

достаточно давно стал применяться и как концептуальное положение в гуманитарных науках. Теории игры, начиная с Фридриха Шиллера (игра как способ сбросить избыточную энергию из организма), отразили стремление осознать игровую деятельность в качестве одной из основ человеческого поведения и в плане его генезиса, и в его феноменологии. Таковы концепции игры Г. Спенсера, К. Грооса, Г. Стэнли Холла и многие другие. Наиболее известна теория нидерландского культуролога Йохана Хейзинги, который в игре видел истоки культуры, а социальность человека связывал с освоением им игровой деятельности [18].

В XX веке идея игры (в том числе в ее театральных формах) как человеческой природы буквально висит в воздухе. Ею увлечены философы, психологи, антропологи, социологи. Например, в 1920-е годы Роберт Парк в своих исследованиях исходил из предположения, что маска является «нашей истинной самостью» (*truer self*) [цит. по: 1]. Развивая это положение, Ирвин Гофман сформулировал в конце 1950-х годов концепцию управления впечатлениями, изложенную в его книге «Представление себя в повседневной жизни» (*The presentation of self in everyday life*, 1959; изд. на рус. яз.: [4]). Общая идея Гофмана: человек стремится, решая любые свои задачи, создать о себе благоприятное впечатление у окружающих, в итоге жизнь превращается в актерскую игру (небезынтересно, что в Германии исследование Гофмана было издано под названием «Мы все играем театр» [23]). То, что человек видит себя глазами другого, постоянно корректирует его образ самого себя, оказывая влияние как на самоидентичность, так и на восприятие человека другими.

Идея управления впечатлениями как основание общей социологии отражает особенности западного общества середины XX века, и ее распространение на социальную жизнь вообще означает примитивизацию человеческих отношений и человеческих сообществ. Было бы большой ошибкой признать управление впечатлениями универсальным коммуникативным и оценочным средством.

В то же время в аспекте защитных механизмов тезауруса рассматриваемая идея Гофмана вполне конструктивна. Через управление впечатлениями возникает возможность тезаурусного маневра в разных ситуациях без утери исходных рубежей. Вероятно, это один из механизмов, позволяющий удерживаться девиантным — с позиций властвующей социальной и культурной нормы — тезаурусным конструкциям в тени на протяжении веков и передаваться из поколения в поколение без привлечения к себе внимания вплоть до того времени, когда они из девиантных вновь становятся соответствующими норме и даже определяющими норму.

Отдаление чужого. Отношение к чужому в рамках тезаурусной концепции не столь прямолинейно, как кажется, исходя из негативного смыслового оттенка этого концепта. Чужое отделено от своего, но оно входит в тезаурус, в отличие от чуждого, которое отражено в тезаурусе косвенно — в форме критики.

Его специфику проясняет лингвистический анализ соответствующего слова в разных языках, позволяющий увидеть в концентрированном виде социальные и культурные практики разных народов. Исследовавший этот вопрос на многих источниках Р. Штихве показывает, как в значении слова «чужой» происходит перемещение значений от «гость» до «враг» [19]. В тезаурусном аспекте такая амбивалентность очень показательна. Штихве, в частности, обращает внимание и на то, как в традиционных практиках устанавливается временный статус гостя как чуждого: он приводит старую англо-саксонскую поговорку: «*Twa night gest, thrid night agen*» («Две ночи — гость, после третьей — свой» — Штихве цитирует источник: [24]). В этой связи заметим, что институт гостеприимства складывался тысячелетиями и выражал по отношению к чужим и опасения, и определенный интерес. Если чужак, встретившийся на пути древнему германцу, римлянину, скандинаву и т. д., мог быть попросту убит, то в статусе гостя он, напротив, брался под защиту хозяином дома, встречал радушный прием. Но лишь на определенный срок, как это звучит в приведенной поговорке. То же наблюдалось в традиционных установлениях многих народов, например, у германцев, южных славян. После истечения трех дней гость терял свои неписанные права, а у англичан он даже попадал к хозяину в зависимость, если задерживался сверх срока. Эти правила в повседневной жизни некоторых народов не потеряли своего значения и сегодня, хотя и не носят императивного характера и не предусматривают кабалы. Например, у осетин на Кавказе правило трех дней применяется в быту как вполне прагматичное (после того как истекает срок действия особого гостевого статуса, гостя, ставшего «своим», не сажаяют за столом на почетное место и не передают ему почетного бокала, его включают в бытовые хлопоты и т. п.).

Появление чуждого в доме обставлено у многих народов целой системой ритуалов. Например, у племени гереро (Намибия) церемониал приема гостя включает требование от него рассказа какой-нибудь истории или даже сказки, без чего ему не будет оказано гостеприимство [2].

Амбивалентность, таким образом, выступает как защитный механизм своего в аспекте отношений с чужим. Чужое порождает подозрение в опасности и даже враждебности, но оно, напротив, может содержать некие новые преимущества для субъекта, что и порождает тактики «досмотра», «пригляда» и ограничений информации о своих, с одной стороны, и следование традициям гостеприимства (опять-таки демонстрирующим преувеличенное внимание к чуждому, но с иным оттенком) — с другой.

Современный тип цивилизации изменил отношение к чуждому: по Штихве, структурные модели закрепления амбивалентности и социальное обхождение с чужими в современном обществе теряют свою тесную сопряженность. Более того, он утверждает, что в системе современного общества принципиально изменяются социальные опыты чуждого и схемы социально-

го взаимодействия, а это ведет к тому, что амбивалентность больше не является основным модусом оценки чужого. В итоге Штихве ставит под вопрос принципиальную важность категории «чужой» для описания современного мира [19].

У нас иная точка зрения: чужой в тезаурусной концепции — парный концепт к концепту свой, а не онтологическая категория для интерпретации современного городского уклада жизни, как у Штихве. Но путь его рассуждений небезыntenесен для понимания чужого в тезаурусной парадигме. Именно в этом контексте амбивалентность сохраняет свое значение как защитный механизм для своего.

В том же ключе следует рассмотреть и такой механизм, как индифферентность. В его основе лежит процесс обесценивания ценностей, связанных с чужим, превращения их в не-ценности. На поверхности это выражается в невнимании, безразличии к лицам, фактам, информации, которая в тезаурусе отнесена к разряду чужого. Если амбивалентность как защитный механизм тезауруса предполагает маятниковое колебание между полюсами отношений (дружба-вражда, нужное-вредное, красивое-уродливое и т. д.), то индифферентность оставляет информацию без оценки: информация представляется слишком ничтожной, чтобы иметь о ней дифференцированное мнение.

В социальных науках эту тему поднял Ирвинг Гофман, раскрывший феномен общественного безразличия (или общественного невнимания). По Гофману, суть этого феномена состоит в сознательном игнорировании присутствия множества людей в публичных местах, в этом случае имеет место *«mutual dimming of the lights»* (общее ослабление освещенности — здесь в метафорическом смысле) [22]. Идея Гофмана об «общественном безразличии» сформировалась в рамках социологии города и выражает особенности взаимодействий при высокой степени их обезличенности. В этой ситуации, по Гофману, люди перестают к чужому относиться враждебно («Мы не могли бы отвергать чужаков в своем присутствии, если бы только их внешность и образ действия подразумевали доброе намерение, курс действия, которое было бы опознаваемым и неутражающим...» [22: 4]), но одновременно исключают практики гостеприимства и дарения в отношении чужого. В некоторой степени общественное безразличие можно считать частным случаем действия механизмов игнорирования побочной информации, которые подробно рассматривает И. Гофман в рамках своей концепции фреймов. Он, в частности, подчеркивает: «Важной особенностью любого отрезка деятельности является способность его участников «игнорировать» параллельные события — как в действительности, так и на уровне представления. «Игнорировать» означает здесь полное отключение внимания и осознанного контроля» [3: 270]. Это обстоятельство позволяет Гофману говорить о канале, или треке (по аналогии с дорожками на магнитной ленте), в который организуются элементы

той или иной ситуации. Более широкое толкование игнорирования у Гофмана выходит за рамки исключения чужого, но не мешает применять этот механизм не только для отделения параллельных действий, но и для разделения своего и чужого, поскольку в параллельных действиях выбор соответствующего трека может быть связан именно с разделением такого рода.

Близкое к гофмановскому «общественному безразличию» понятие для обозначения того же феномена предложил Аллан Сильвер — «рутинная доброжелательность» («*routine benevolence*») [25: 64]. Опираясь на этих авторов, Штихве делает вывод: сегодня «уже нельзя утверждать, что преодоление и переработка чуждости является основной проблемой современных обществ. Схематизм «друг/враг» работает лишь в экстремальных ситуациях как политический схематизм. Вместо подобного жесткого механизма в будущем речь идет скорее о механизмах, побуждающих нас и других перейти от нормальной установки на индифферентность к процессам социального взаимодействия» [19].

Вновь следует подчеркнуть: тезаурус как конструкция знания не выступает в качестве прямого аналога происходящих в обществе процессов. Он обладает известной автономией от общественных перемен. Поэтому смена позиции чужого как социального статуса в современном обществе не означает, что в организации знания, необходимого для ориентации субъекта в повседневности, концепт «чужой» изменился по своей дифференцирующей роли, как и концепт «свой».

Итак, амбивалентность и индифферентность к чужому выступают в конструировании реальности посредством организации информации в тезаурусе средством защиты тезаурусного ядра, где концентрируется представление о своем. Чужое этим путем отдалается на периферию тезауруса и выступает своеобразным резервом: в необходимой ситуации из запасников берется чужое, с которого снимается вуаль безразличия, ярлык не-ценности. Оно переоценивается в рамках общего процесса переоценки ценностей. В итоге оно может переместиться ближе к центру или просто в центр тезауруса и далее определять его иерархию.

Здесь, собственно, свое и чужое оказываются рядом, и их разделение становится малосущественным, если этого требуют социальные и культурные практики повседневности. Игнорируемая информация о чужом, как и вытесненная на периферию тезауруса информация о своем, может оставаться в резерве и в подходящий момент становится актуальной. Таковы наблюдаемые в повседневности ситуации рождения ребенка или смерти родственника, когда неактуальные традиционные практики ритуальных действий «вспоминаются» и на время осваиваются, уходя затем снова в запасы сознания.

Исключение чужого. Если чужое может содержать нечто, враждебное своему, а может быть потенциальным ресурсом своего, вести к лучшему раскрытию свойств субъекта и обновлению его средств

ориентации в меняющейся окружающей среде, то чуждое заведомо враждебно и должно быть исключено из тезауруса. Это правило, которое вытекает из социального конструирования реальности. Иными словами, в онтологическом аспекте фрагмент реальности, относимый к чуждому, может ничем не отличаться от фрагментов чужого и даже своего. Жесткое различие идет в аксиологическом аспекте через установление оппозиции ценность-антиценность. Чуждое как антиценность несовместимо с тезаурусом (хотя в нем есть чужое, но оно квалифицируется как не-ценность).

Механизмы защиты тезауруса от чуждого основываются на его дискредитации, а в еще большей мере — на его исключении из информационного и оценочного поля. На чуждое вешается ярлык, и его появление на горизонте сразу активизирует оборону тезауруса: осторожно, враг! Психологически это может сопровождаться полным закрытием каналов поступления информации: человек как бы отключается, не слышит аргументов, не видит очевидного. В проблемных зонах нередко возникают эффекты тупости, которые как раз свидетельствуют о закрытии каналов обновления информации при столкновении с чуждым.

В структурном отношении исключение чуждого обеспечивается специфическими средствами — мембранами, которые (как показано выше) следует рассматривать в качестве важного компонента тезаурусной структуры.

На две социальные практики отношения к чуждому следует обратить внимание.

Первая состоит в особом ужесточении правил отнесения к своему, нарушение которых означает мобилизацию механизмов социального исключения совершившего нарушение. В прямой форме такое положение действует в криминальных субкультурах, где санкции за нарушение неписаных правил отличаются крайней жестокостью и неумолимостью. Порядок, установленный в преступных организациях, таких как сицилийская или чикагская мафия, неаполитанская каморра, японская якудза, китайская триада и т. д., передается из поколения в поколение. Такие организации, построенные по принципам большого семейного клана, по своему происхождению нередко связаны с национальной освободительной борьбой. Шаг за шагом патриотическая организация превращалась в преступное сообщество, но при этом сохранялись многие законы ее устройства и обеспечения порядка. Все это не могло не отразиться на тезаурусах и на признании членами клана справедливости самого строгого наказания за неисполнение правил.

Вторая социальная практика состоит в осмеянии чуждого. Маркировка чужеземного как нелепого, противоречащего логике, глупого имеет самое широкое применение. В культуре своих многие культурные обстоятельства, ситуации, проекты представляются лишеными здравого смысла и даже специально собираются в коллекции глупостей, чтобы принизить облик носителей чуждых ценностей.

Приведем примеры некоторых правовых норм, которые с позиций здравого смысла вряд ли могут быть исполнены в современном обществе. В канадской провинции Альберта законодательно установлено, что преступник, выпущенный из тюрьмы, должен получить заряженный пистолет и коня, чтобы он мог покинуть город. В Германии владельцам овощных магазинов запрещено продавать пупырчатые огурцы, клубнику, которая «не напоминает по форме сердце», и короткие бананы (за нарушение предусмотрен штраф до 1000 евро). В США законодательство штатов и нормативные правовые акты городов пестрят невероятными с точки зрения здравого смысла нормами. В Лос-Анджелесе муж не вправе бить жену ремнем шире двух дюймов, не получив от нее предварительного согласия, а в городе Джаспер (штат Алабама) муж не может колотить жену палкой, диаметр которого больше толщины его большого пальца на руке. В штате Айдахо запрещено рыбачить, сидя на верблюде. В Балтиморе не разрешается приходить в театр со львами. В Аризоне под угрозой штрафа запрещено класть спать осла в ванной. В Сент-Луисе (штат Миссури) запрещается сидеть на мостовой и распивать пиво из ведра. В штате Флорида нельзя разбивать более трех тарелок в день. В Майами запрещена езда на велосипедах, не оборудованных звуковым сигналом, хотя использование звуковых сигналов велосипедистами запрещено. В Хартфорде (столице штата Коннектикут) запрещено переходить дорогу на руках, а супругам запрещено целоваться по воскресеньям. В Балтиморе запрещается швырять копны сена со второго этажа. В штате Небраска, находящемся в центре Америки, запрещается ловить китов. В Форт-Медисоне (штат Айова) пожарные обязаны провести 15-минутную тренировку перед каждым выездом на пожар. В городе Девон (штат Коннектикут) запрещается ходить задом после заката солнца, а в Оклахома Сити нельзя ходить по улицам задом, поедая на ходу гамбургер. В Индиане законом установлено, что число «пи» равно 4, а не 3,1415. В Арканзасе закон предписывает, что река Арканзас Ривер не может подниматься выше моста в городе Литтл Рок. В штате Нью-Йорк запрещено охотиться из трамвая за кроликами, в штате Калифорния из автомобиля — за китами. В Огайо особым законом запрещено предлагать рыбам спиртные напитки. В городе Кармел (штат Калифорния) недопустимо есть мороженое, стоя на тротуаре. В Оклахоме собакам запрещено собираться в группы, числом три и более, если они не имеют специального разрешения, подписанного мэром города.

Заслуживает внимания не только то, что насмешливая реакция над такими установлениями сразу имеет маркировочный характер, сообщение превращается в анекдот, здесь нет нужды в пояснениях, почему и как образовалась та или иная норма и применяется ли она на практике. Немаловажно и то, что приведенные примеры взяты из перечней, размещенных в Интернете под рубрикой «Самые нелепые законы в мире» (или «Самые смешные и нелепые законы в мире») [напр., 16]. Кроме развле-

чения, такие материалы имеют смысл как комическое снижение образа тех, кого мы не считаем своими. Реакция совпадает с общей готовностью отвергать чуждое.

В определенном ракурсе как самонастраивающийся механизм поддержания своего и блокирования чуждого может быть рассмотрен феномен патриотических ценностных ориентаций, которые представляют собой комплекс знаний, схем оценки, социальных установок, обеспечивающих саморегуляцию избирательно-предпочтительного отношения субъекта к социокультурной реальности в аспекте ценности Родины и вытекающего из этого понимания смысла жизни и конструирования жизненных целей и планов [13: 316]. В основе такого отношения лежит тезаурусное разделение своего-чуждого-чуждого.

Патриотические ценностные ориентации образуют в структуре индивидуального и группового тезауруса определенную подструктуру, которая выступает как «патриотический ценностно-ориентационный комплекс», который представляет собой упорядоченную по тезаурусному принципу разделения своего-чуждого-чуждого систему концептов (образно-понятийных конструкторов), сформированную вокруг ценности патриотизма. Патриотический ценностно-ориентационный комплекс актуализируется в виде тезаурусной генерализации в ответ на провоцирующую ситуацию. Указанный комплекс обнаруживает себя в реальности как сочетание оценочных суждений и других средств выбора в ситуации неопределенности, оптимизирующих поведение субъекта (личности, группы) на основе разделяемой им ценности Родины. Результатом формирования патриотических ценностных ориентаций является определенная мера социальной идентичности, характеризуемая позитивным/нейтральным/негативным отношением к Родине (своей стране, своему народу, своему государству и т. д.).

Литература

1. *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 98—124.
2. *Гостеприимство* // Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/31599 (дата обращения 2.02.2013).
3. *Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2003.
4. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни: пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
5. *Гуревич П. С.* Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.
6. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социол. этюд; пер. с фр. / Изд. подгот. Вал. А. Луков. СПб.: Союз, 1998.
7. *Захаров Н. В.* Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ: монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008.
8. *Зинovieв А. А.* Логическая социология / 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003.
9. *Ковалева А. И., Луков Вал. А.* Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.
10. *Кузнецова Т. Ф.* Культурная картина мира: теоретические проблемы: науч. монография. М.: ГИТР, 2012.
11. *Курганская М. Я.* Патриотические ценностные ориентации российской студенческой молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012.
12. *Ламажаа Ч. К.* Тезаурусный подход для тувиноведения // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 38—45.

Это важные ориентиры в исследовании мобилизующего характера патриотизма. Как показали исследования, особенность оценочных суждений, состоящая в том, что их определяющей характеристикой является не правильность, а оптимальность для данного субъекта, входит в противоречие с построением концепции патриотического воспитания с ориентацией на рациональное поведение [11]. Аналогичным является выявление тех мобилизуемых ресурсов тезаурусной саморегуляции, которые удерживают от разрушения традиционные культуры и выступают для их носителей как передаваемые из поколения в поколение идентификационные коды.

* * *

Изучение процессов тезаурусной саморегуляции предполагает ее осмысление по аналогии с саморегуляцией в биологических, социальных, информационных системах, действующих по законам жизнеобеспечения функциональных систем. Для тезаурусов это означает в первую очередь выявить механизмы поддержания своего, освоение чуждого, исключения чуждого.

Очевидно, что эти механизмы действуют в режиме аврального напряжения при сбое в системе — в данном случае в ценностно-нормативной системе, при нормальном состоянии тезаурусной системы они допускают довольно значительный люфт ценностного конструирования и даже экспериментирования. Тогда раскрываются ресурсы диалога и взаимоотражения тезаурусов, появляется уважение к социокультурному многообразию и происходит расширение тезауруса, иной раз характеризующее целые исторические эпохи.

Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Тезаурусный анализ в гуманитарном знании» (проект № 12-33-01055).

13. *Луков Вал. А., Курганская М. Я.* Патриотические ценностные ориентации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 316—317.
14. *Луков Вал. А., Луков Вал. А.* Парадигмы воспитания: от «войны тезаурусов» к «диалогу тезаурусов» // «Вестник Международной академии наук. Русская секция», 2007. №1: 68—72.
15. *Луков Вал. А., Луков Вал. А.* Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания: науч. монография. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
16. Самые неаппетитные законы в мире // «Личные Деньги». URL: <http://www.personalmoney.ru/txt.asp?sec=1525&id=1296724> (дата обращения 3.02.2013).
17. *Судаков К. В.* Функциональные системы. М.: Изд-во РАМН, 2011.
18. *Хейзинга Й.* Homo ludens (Человек играющий). М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
19. *Штихве Р.* Амбивалентность, индифферентность и социология чуждого // URL: <http://www.soc.ru.ru/publications/jssa/1998/1/a5.html>
20. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издат. группа «Прогресс», 1996.
21. *Eliasoph N., Lichterman P.* Culture in interaction // American Journal of Sociology. Chicago, 2003. Vol. 108, No 4. P. 735—794.
22. *Goffman E.* Behavior in Public Places. Glencoe (Ill.): Free Press, 1963.
23. *Goffman E.* Wir alle spielen Theater. München: Piper, 1991.
24. *Pitt-Rivers J.* The Stranger, the Guest, and the Hostile Host. Introduction to the Study of the Laws of Hospitality // J. G. Peristiany (Hrsg.). Contributions to Mediterranean Sociology: Mediterranean Rural Communities and Social Change. Den Haag, 1968.
25. *Silver A.* «Trust» in social and political theory // Gerald D. Suttles, Mayer N. Zald (eds.). The Challenge of Social Control. Citizenship and Institution Building in Modern Society. Essays in Honor of Morris Janowitz. Norwood (N. J.): Ablex Publishing Corporation, 1985.